

Он не мог забыть ее.

Вот так просто: раньше думал, что играл, развлекался, целуя ее. Оказываясь в объятиях, считал, что это ничего не значит. Что ее рука на собственном члене, ее губы на шее — это всего-то помутнение. Потому что, на самом деле, она никогда не была его.

А теперь не мог не думать о ней. Разом, лишь потому что лишился. Потому что ее больше нельзя сжать в объятиях, нельзя впечатываться в ее губы, вылизывая горячий рот языком. Нельзя подойти к ней сзади, сжимая упругую грудь, которая идеально помещалась в руке. Она больше не откинула бы голову ему на плечо, задыхаясь от одних лишь рук на груди. Его рук. И не поддавалась бы больше назад, касаясь попойкой его вставшего члена, потому что он всегда возбуждался слишком быстро.

Теперь у него была Ленка, младше его на год, которая целовалась-то даже со стеснением, потом сразу же отстраняясь и не смотря на него. Он был рад, что она не смотрела, что рассказывала какую-то ерунду, пока он не мог понять: почему? Почему ничего не чувствует? Почему поцелуй из горячего-страстного превратился в рутинный и совершенно не нужный? Почему он не хотел Ленку? Вот она, здесь, только руку протяни.

А ему это вовсе не нужно.

Потому что когда он целовал Ленку — думал не о ней. Потому что русые Ленкины волосы в его голове заменялись огненно-рыжими. Потому что когда его язык был у нее во рту, когда Ленка стонала ему в рот, он вдруг вспоминал, как сжимал совершенно не ее волосы в кулаке, насаживая жаркий открытый рот на стоячий член. И этот рот был совершенно не Ленкин, и волосы были не ее, и тело.

Ленка была хорошей, а эта девушка из воспоминаний, ее бы он никогда не назвал таковой. Потому что хорошая — последнее, что приходит на ум.

Рыжая целовала его первой, когда он затаскивал ее к себе на колени, утыкалась носом в шею, дышала так глубоко, что у него могло встать только от этого. От того, что она просто сидела у него на коленях, и они даже не тархались. Или когда вылизывала его шею, оставляя влажные дорожки, разрешая забираться руками себе под футболку.

Он задыхался ею, стоило повести непослушной рукой по спине, пройти по позвоночнику прямоком к шее, сжимая ее. Легко, но так, чтобы рыжая успела испугаться, округляя карие глаза. И смотрела на него с таким трепетным возбуждением, что дыхание перехватывало у него самого.

Он не мог не смотреть на нее. Когда видел — залипал безвозвратно и надолго. Сначала на ее губы: пухлые, всегда приоткрытые, покрытые стойкой светлой помадой. Он ненавидел себя за то, как хорошо помнил ее губы. Каждый раз воссоздавая в подсознании, вспоминая, каково было целовать ее, каждый раз сталкиваясь влажными языками. Вжимая ее лицо в свое, путая непослушные волосы, зарываясь в них рукой. Ощущая ее твердые соски сквозь футболку — она редко носила лифчик. Или проигрывая в голове ее льнущее тело, среднюю грудь, даже ее плечи... Она была такой идеальной для него.

А теперь...

Ленка. Как чертово противопоставление всему горячему. Ленка обнимала его, он ощущал тепло ее тела и даже не заводился. Не то чтобы она была некрасивой, просто... он не хотел ее.

Вот так легко. Не мог вообразить ее, извивающуюся на его члене, ее, заглатывающую ствол целиком, ее... вообще не хотелось представлять.

Другое дело рыжая. Он не смел называть ее имени в подсознании, иначе это значило бы куда больше обычного желания присунуть, а ее он просто хотел. Еще хотя бы раз. Один единственный ощутить худое тело под собой, вставляя в теплое узкое нутро, ощущая ее влажность пальцами, языком, членом. Вставляя ей раз за разом и с каждым толчком резче, грубее, сильнее. Так, чтобы наконец заткнулась и перестала болтать, чтобы могла только выстанывать его имя, задыхаясь, выгибаясь навстречу.

Чтобы обвила его ногами, притягивая ближе, чтобы поддалась вперед первой, умоляя. Чтобы просила его снова и снова вставить ей, чтобы она даже не могла произнести двух слов от того, как глубоко он ей засаживал. Она бы скулила под ним как в те разы, стонала бы, кричала его имя, извиваясь. Она бы кончила, вцепившись в его спину ногтями, сжала бы член внутри, замирая.

А он бы выдохнул, стараясь не кончить слишком быстро. И продолжил бы трахать ее дальше. Так, чтобы она возбудилась уже во второй раз, чтобы сначала молчала, а потом начала тихонько шептать ему пошлости, чтобы говорила о том, что не сможет кончить еще раз. Но она бы кончила под ним снова еще, и второй раз, и третий. Маленькая ненасытная девчонка. Как он хотел шлепнуть ее по заднице, она бы подставилась под ладонь, молила, чтобы он ударял снова и снова, чтобы порол ее, а она истекала смазкой. Он бы погладил ее розовую выпоротую задницу, потом прошелся пальцами ниже, раскрывая половинки. Она бы сжалась под его руками, а когда он провел двумя пальцами по клитору, уронила бы голову на руки, сжимая зубы.

Она бы выдохнула:

— Так хочу тебя, боже...

Поддаваясь к нему, чтобы наконец ощутить желанные пальцы в себе — она обожала, когда он растягивал ее. Вставлял сначала один, потом два, так, что она уже не могла соображать, лишь поддаваясь дикому желанию ощутить в себе его твердый член. У него стояло, когда она проводила рукой по члену, размазывала каплю по головке, дразня его. Сжимая сначала нежно, слабо, не принося того критически желанного давления, а потом начинала двигать рукой в ритме, которому он научил ее. И он мог кончить лишь от руки, от ее руки и приоткрытых сочных губ, которые он обожал целовать. Он мог кончить и от ее груди, идеально округлых сосков, от ее влажной дырочки, и стонов, которые она издавала, когда он касался ее там.

А когда она опускалась перед ним на колени, он задышался еще до того, как она касалась его. Легко сжимала сквозь ткань член, дразнила, касаясь губами ствола сквозь прилипшие джинсы и боксеры. Он ощущал исходящий жар от ее рта и плавился. Она расстегивала ширинку, стаскивала джинсы вместе с трусами, тогда он мог наконец вдохнуть — член больше не пережимало слоями одежды.

Она смотрела.

И он думал, что от ее взгляда на собственный член хватило бы. Сначала она проходила рукой, следом языком. Вылизывала полностью, перекачивала яички, перед тем как заглотить. Его член был весь в ее слюне, липкий и влажный, а когда она наконец заглатывала, он едва не скулил, кусая губы. О, как ей это нравилось. Ее язык едва не плавил его, такой горячей она была. То вела слишком медленно, выпуская член изо рта полностью,

лишь пройдясь губами по головке. Иногда она сосала ожесточенно, заглатывала полностью, иногда давясь, но не выпуская изо рта. Она поднимала взгляд с его членом во рту, и он клал руку на ее волосы, надавливая на затылок.

Ему хотелось больше. Всегда. Даже, когда он ощущал ее скользящий язык на члене, когда убирал ее волосы назад, чтобы они не мешались. Когда она смотрела, он думал, что не сможет выдержать, если она вдруг отстранится. И потому она не отстранялась. Он спускал ей в рот, вскидывая бедра вверх, едва не закатывая глаза от наслаждения.

Когда отпускал, она вытерала невольно выступившие слезы, от того, что подавилась, а потом сразу же говорила, что он мудака. Но улыбалась — видела его откровенно возбуждающим, когда он хватал ее за талию, притягивая к себе. И целовал, проходясь языком по ряду зубов, вылизывая ее рот, проникая так глубоко, что едва не трахал языком. Чувствовал вкус собственной спермы, хотя она все проглотила.

Ее обнаженные соски обычно терлись о собственную грудь, он любил стискивать ее в объятиях, сжимая в руках округлую попку. Поднимая ее немного над полом, впечатывая киской в свой стояк, он обожал толкаться ей навстречу еще в одежде, чтобы она ощутила, как хочет он. Чтобы обвила наконец ногами, а он бы быстро расстегнул ширинку, спуская штаны. Он бы отодвинул ее трусики в сторону, даже не снимая их, насаживая ее на себя на весу. Чувствуя чертовски охуенное напряжение, ее узкие не растянутые стенки, стискивающие его. Она бы сжалась вокруг и открыла рот в немом крике, стиснула руки на его шее. А потом он бы начал двигаться сразу быстро, так, как она любила. Она зашла бы в стоне от толчков, задыхаясь, и кричала бы, кричала, кричала...

— Милый?

Да, да, вот так. Еще немного, господи.

— Милый!

Вздрагнул. Открыл глаза.

Ленка маячила перед лицом, он опустил взгляд ниже, на сбитое одеяло и собственный стояк. Выдохнул.

Всего лишь сон. Глаза слипались, член болезненно упирался головкой в резинку трусов, а перед носом... оскорбленное лицо его новой подружки. С чего бы?

— Про какую рыжую ты только что выстанывал?!

О, Боже...

* буду благодарна, если подкинете копеечку на вебмани R510542915209 (коплю на учебу, хех)